

Заключение. Таким образом, знание о другом и знание о себе взаимосвязаны: знание других предшествует нашему знанию самих себя. Самопознание должно быть неотчужденным от истории и общества; оно должно быть непрерывным. Если интенциональность является фундаментальной структурой сознания, то она начинается с этого диалогического пространства; она начинается не с трансцендентности других, а с точки зрения отношений, разделяемых с другими. Диалог, в конечном счете, является дифференцированным отношением, проявляющимся в языке и через язык.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 361–373.
2. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 6. – М.: Русские словари. Языки славянских культур, 2002. – 800 с.
3. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: опыт философского анализа / М.М. Бахтин. – Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. – М.: Academia, 1997. – С. 227–244.

Абрамова Л.Н.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Доцент, кандидат психологических наук
2175147lna@mail.ru*

Моляко В.А.

*НАПН Украины, г. Киев
Академик, профессор, доктор психологических наук*

УДК 821.161.1:130.2

М.М.БАХТИН И И. ПОПОВИЧ О Ф.М. ДОСТОЕВСКОМ

Рассматриваются два взгляда на творчество Ф.М. Достоевского: одна точка зрения отражает типичный атеистический подход, и связана с диалектикой развития жанров в мировой и российской литературы другая оценивает творчество Ф.М. Достоевского с теологической точки зрения и отражает динамику развития религиозного мировоззрения Ф.М. Достоевского. Дается сравнительный анализ двух теоретических работ названных авторов. Доказательной базой служат цитируемые в нашей статье, точки зрения названных авторов

Ключевые слова: диалог, идея, полифонический литературный жанр, карнавализация человеко-бог, Богочеловек, сознание, самосознание.

M.M. BAKHTIN AND I. POPOVICH ABOUT F.M. DOSTOEVSKY

Two views on the creative works of F.M. Dostoevsky are considered: one point of view reflects a typical atheistic approach, and is associated with the dialectic of the development of genres in the world and Russian literature, another evaluates the work of F.M. Dostoevsky from the theological point of view and reflects the dynamics of the development of the religious world view of FM. Dostoevsky. A comparative analysis of two theoretical works of the authors is given. Evidence base is cited in the studies of the researchers (named in the title) of their point of view on the creativity of F.M. Dostoevsky.

Key words: dialogue, idea, polyphonic literary genre, carnivalization of man-god, God-man, consciousness, self-consciousness.

Введение. Предваряя названную тему, остановимся на двух высказываниях В.П. Зинченко о М.М. Бахтине: «...сравнительно недавно то ли пришло время, то ли психология достигла соответствующего духовного возраста, чтобы начинать извлекать уроки из богатого научного исследования Бахтина. Слабым оправданием является трудность понимания плотной смысловой ткани его текстов».

И второе: «Разумеется, сознание – это тайна, мозг – это тоже загадка и тайна, но это разные, не сводимые одна к другой тайны. Подмена одной тайны другой в равной степени мешает тому, чтобы прикоснуться к ним обоим. От бодрствующего мозга до бодрствующего сознания – как семь верст до небес и все лесом: запутаешься в сетях дендритов и аксонов». М.М. Бахтин использует именно термин сознание.

Материал и методы. В работе М.М. Бахтин рассматривает критику творчества Достоевского разных авторов своего времени; с кем-то в чем-то соглашается, с чем-то не соглашается.

Точка зрения Бахтина начинается с глубокого, энциклопедического, исторического анализа развития жанров в западной и российской литературе.

Большинство авторов, на которых ссылается М.М. Бахтин сходятся на том, что основная идея произведений Достоевского состоит в социально-экономическом развитии эпохи, которая знаменовалась распространением капитализма. О. Каус на которого ссылается Бахтин считает, что в своей всеневелирующей тенденции, не оставляющей никаких иных разделений, кроме разделения на пролетария и капиталиста, капитализм и сплел эти миры в своем противоречивом становящемся единстве.

В каждом атоме жизни дрожит это противоречивое единство капиталистического мира и капиталистического сознания, не давая ничему успокоиться в своей изолированности, но в то же время ничего не разрешая. Вот вокруг этой капиталистической идеи и сталкиваются сознания героев произведений Достоевского.

О. Каус доказывает, что Достоевский – самый решительный, последовательный и неутомимый певец человека капиталистической эры. Его творчество – это не похоронная, а колыбельная песня нашего современного, порожденного огненным дыханием капитализма, мира. Эту точку зрения М.М. Бахтин считает: «во многом правильной», и доказывает, что: «все герои полифонических произведений Достоевского выносятся на обсуждение, осуждение свое, сознание. Столкновения разных сознаний (в спорах) рождает истину». Истина родилась не в спорах, но об этом ниже.

Переходим к следующему моменту тезиса Бахтина – к постановке идеи в художественном мире Достоевского: «В постановке идеи своеобразие Достоевского должно проявиться особенно отчетливо и ярко... Герои Достоевского не только слово о себе самом и о своем ближайшем окружении, но и слово о мире: он не только сознающий, – он идеолог» [1].

Бахтин считает, что идеи здесь действительно становятся почти гармонией произведения. Однако доминанта изображения героя и здесь остается прежней: самосознание.

Многочратно подчеркивается теснейшая связь каждого героя с автором. Герой лишь простой носитель этой самоцельной идеи; как верная; значащая идея она тяготеет к некоторому безличному системно-монологическому контексту, другими словами – к системно-монологическому мировоззрению самого автора. Вся идея композиционного построения произведений Достоевского по Бахтину сводится к пониманию того, что из самого понятия единой истины вовсе еще не вытекает необходимости одного и единого сознания. Вполне можно допустить и помыслить, что единая истина требует множественности сознаний, что она по природе событийна и рождается в точке соприкосновения разных сознаний. С нашей точки зрения, речь скорее идет о мыслительных процессах; в своих рас-

суждениях мы опираемся, на высказанную выше, мысль В.П. Зинченко об оппозиции мышления и сознания [1].

Теперь кратко остановимся на жанровых и сюжетно-композиционных особенностях произведений Достоевского. Поражает своей глубиной анализ исторического развития литературных жанров в мировой и российской литературе. Не менее сильное впечатление оставляют и литературные источники на которые ссылается Бахтин. Как он определяет место Достоевского в литературном жанре? «В литературе о Достоевском очень часто связывают особенности его творчества с традициями европейского авантюрного романа. И в этом есть известная доля истины» [2, с. 171].

Бахтин считает, что нет, кажется, ни одного атрибута старого романа приключений, который не был использован Достоевским. Помимо таинственных преступлений и массовых катастроф, титулов и неожиданных состояний, мы находим здесь типичнейшую черту мелодрамы – скитание аристократов по трущобам и товарищеское братство их с общественными подонками. Среди героев Достоевского это черта не только одного Ставрогина. Она в равной степени свойственна и князю Валковскому, и князю Сокольскому, и даже отчасти князю Мышкину».

Читаем далее: «...в романе-фельетоне Достоевский нашел «искру симпатии к униженным и оскорбленным, которая чувствуется за всеми приключениями несчастливенных нищих и спасенных подкидышей» [2, с. 173]. И снова Бахтин пишет: «Нельзя не согласиться с Гроссманом, что указанные им функции действительно присущи авантюрному материалу в романе Достоевского» [2, с. 174].

Подробно анализирует Бахтин исторические жанры от античности до современности, он особое место отводит мениппе. Своё название этот жанр получил от имени философа III века до н.э. Мениппа из Гадары, придавшего ему классическую форму. Однако в литературе его произведения не сохранились, а жанр существует.

Остановимся кратко на одном из жанров, который по мнению Бахтина присущ Достоевскому. Он пишет: «Ту литературу, которая испытала на себе – прямо и непосредственно или косвенно, через ряд посредствующих звеньев, – влияние тех или иных видов карнавального фольклора (античного или средневекового), мы будем называть *карнавализованной литературой*» [2, с.180-181].

В русле этого направления рождается карнавализация литературы. Для этого жанра характерно, что отменяется всякая дистанция между людьми, и вступает в силу особая карнавальная категория – вольный фамильярный контакт между людьми. Будущим карнавальным действием является шутовское увенчание и последующее развенчание *карнавального короля*. В основе обрядового действия увенчания и развенчания короля лежит самое ядро карнавального мироощущения – пафос смен и перемены смерти и обновления.

Древнехристианская повествовательная литература (в том числе и та, которая была канонизирована) проникнута элементами мениппеи и карнавализации.

Таковы античные истоки, «начала» («архаика») той жанровой традиции, одной из вершин которой стало творчество Достоевского. Эти «начала» в обновленном виде сохраняются в его творчестве.

Совершенно другой взгляд на творчество Достоевского у Преподобного Иустина (Поповича); он четко определяет и ясно видит основную идею творчества Достоевского. Она заключается в том, что вера в человека – самая страшная и самая заразная из болезней, которыми болеет современное человечество. Она понижает деятельность и творчество европейского человека. Вся европейская культура вылупилась из этой веры в человека. Вера в человека развилась в обожание человека, которое обретает свою окончательную сферу в человекоании. Человекоцентризм неминуемо заканчивается человекопоклонством.

Преподобный Иустин считает: «Психологический анализ этой веры в человека Достоевский дает нам в своих отрицательных типах – в отважных борцах за человека и его личность, в создателях человека-бога. Он неопровержимо доказывает, что человек как человек, в своей эмпирической данности, не обладает такой силой, которая бы сделала его способным быть единственным создателем и осуществителем своей личности».

Оценивая литературное творчество Достоевского и личность писателя, Попович пишет: «Но главное, наиглавнейшее открытие Достоевского заключается в том, что он обнаружил основные психологические причины современного атеизма, анархизма и нигилизма, что нашел сверхэмпирический корень зла. Как провидец, он не мог ограничиться самой видимой поверхностью современного индивидуального и социального зла, а отважно погрузился в его неизведанные глубины и открыл, к большому удивлению многих, что основная психологическая причина современного атеизма и анархизма – дьявол, который невидимо использует эвклидовский ум человека в качестве своего посредника». Выходит, вовсе не развитие атеизма.

Искренность и невиданную смелость Достоевского в высказывании и защите своих убеждений невозможно оспорить, чтобы не говорилось. Далее Попович утверждает: «А если кого-то можно назвать великомучеником атеизма и анархизма, то это Иван Карамазов. Никто никогда так великомученически смело и искренно не исповедовал основных догматов атеизма и анархизма – неприятие мира, неприятие Христа, «все позволено», создание человека-бога... Иван смело и искренно утверждал, что нет ни Бога, ни дьявола; но он так же смело и искренно признал, что есть дьявол. Поэтому все дьяволу подчиненные герои романа Достоевского «Бесы» видят в преступлении, в грехе – логику и суть своей жизни и всякой жизни вообще». Другим доказательством служит образ Раскольникова; который является *раскольником*, ибо грех, зло – единая раскольническая сила, которая в человеческой личности раскол совершает эту раскольническую силу в Раскольникове Достоевский проанализировал поразительно, до мельчайших деталей ее сущности, и обнаружил, что эта злая сила, по преимуществу, одарена интеллектом и волей, что она входит в человека и действует с помощью человеческого интеллекта и человеческой воли и что посредством и доводит человека и общество до полной дезинтеграции, т.е. до безумия и смерти.

Сон Раскольникова вполне можно воспринимать как настоящий пролог романа «Бесы».

Есть ли спасение в такой безысходности?

«Красота спасет мир», – утверждает князь Мышкин, имея ввиду красоту дивной личности Христа, которая открывается и познается любовью. Христос – не только Абсолютная Красота сама в себе, но и по отношению к твари. Он является Украсителем всей твари – от Херувима до червя. (Акафист Иисусу Сладчайшему. Икос 4).

Христос – незаменимый идеал человеческой личности, ее альфа и омега. Стать христоликим цель человеческой личности. Истинно совершенная и благородная человеческая личность создается христоликими подвигами веры, любви, молитвы, смирения, всемилосердия. Такие благородные личности Достоевский представил в образах Зосимы и Алеши, Макара и князя Мышкина. Они сияют христоликой красотой и добродетелями.

Христоустремленный Достоевский личным опытом своей бурной великомученической души познал, что христианская любовь является единственным средством, с помощью которого могут разрешиться вечные проблемы «проклятые проблемы» существования Бога и существования души. «Личное бессмертие и Бог – это одна и та же идея», – пишет он. Разумом, дискурсивно и диалектически эту идею невозможно доказать.

Достоевский в своем дневнике особенно подчеркивает, что русский человек из простонародья под корой наносного варварства сохранил красоту своего духовного образа, сохранил ее, имея в качестве идеала таких святых, как Сергей Радонежский, Феодосий Печерский, Тихон Задонский и другие, которые спасли его, которые пронзали и заполняли его душу непреходящим простодушием и добротой, искренностью и широтой, и все это в самом привлекательном гармоничном соединении. Кроме того, в народной душе глубоко укоренено и горячее чувство личной всегреховности, которое вырастает в непрерывный подвиг покаяния и в христуостремленное созидание себя по образу Христа.

Достоевский многократно утверждает идею православия, ссылаясь на утверждение Христа: Я есть и Истина и Путь и Жизнь. «Истина его никогда не кажетя заблуждением, путь – беспутием, а жизнь – смертью», – утверждает Преподобный Иустин.

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ точек зрения М.М. Бахтина и И. Попович показал принципиально разные подходы и выводы о творчестве Ф.М. Достоевского.

Заключение. Представленные в материалах результаты работ по исследованиям названных авторов, о творчестве Ф.М. Достоевского, не ставили своей задачей определение приоритетной точки зрения. Задача состояла в том, чтобы побудить читателя обратиться к названным источникам и получить новую информацию.

Список использованной литературы:

1. Зинченко, В.П. Вклад М.М. Бахтина в психологию сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2013. – №3.
2. Бахтин, М.М. Проблемы Поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва: изд. Художественная Литература, 1972.
3. Гроссман, Л.П. Поэтика Достоевского, Государственная Академия художественных наук / Л.П. Гроссман. – М., 1925.
4. Отто Каус. Достоевский и его судьба / Отто Каус. – Берлин, 1923.
5. Преподобный Иустин (Попович). Философия и религия Ф.М. Достоевского / И. Попович. – Минск: изд. Д.В. Харченко, 2007. – 311 с.

Антипенко О.Е.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Доцент, кандидат психологических наук*

Шкредова Н.Е.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Старший преподаватель*

УДК 165.81

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ СЁРЕНА ОБЮ КЬЕРКЕГОРА И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ М.М. БАХТИНА. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье авторы предприняли попытку обратиться к истокам творчества Бахтина, попробовали определить корни его первой философии и философии как таковой, на основе анализа автобиографических данных М.М. Бахтина выдвигают гипотезу о том, что те впечатления, которые Бахтин получил в подростковом и юношеском возрасте, от прочтения работ известных философов того времени, он сохранил до конца дней и творчески использовал в своей работе, а смысл его работ надо искать не в самих работах, а в его биографии, так как его работы, по мнению авторов, это философская проекция его собственного «бытия-со-бытия», его «внутренний диалог» с самим собой.